

**СОВРЕМЕННЫЙ МИР.
ОПЫТ ФИЛОСОФСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ**

Эволюция. Модернизация. Инновация

**СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ
И ПАРАДОКСЫ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ**

Ю.А. КАРПОВА, В.М. НУРКОВ

В процессе решения стратегической задачи построения в России инновационного общества все более востребованными становятся философски и методологически обоснованные идеи и концепции изучения социальных процессов современного мира, образующих инновационную социальную реальность. Именно они определяют направления и результаты конкретно-научного анализа движущих сил социального прогресса. С позиций исследования трансформаций социальных процессов необходимо четко различать инновационный и модернизационный пути развития. В настоящее время происходит смешение объема и содержания терминов «инновация» и «модернизация», что затрудняет понимание реальных тенденций динамики социальных процессов и препятствует эффективному социальному управлению развитием инновационной сферы общества.

Исследуя эволюцию концепции инноватики, анализируя научные подходы в России и за рубежом к определению понятия «инновация», мы предложили определение инновации как реализованного новшества, широкое использование которого приводит к значительным прогрессивным изменениям в жизнедеятельности человека и общества, что выражается в смене технологических укладов, поколений техники, управленческих стратегий, общественных представлений, нравов, моделей поведения и т.д.¹ Предлагаемый подход позволяет выявить социальную природу инноваций, подчеркивает универсальную сущность этого феномена, его принадлежность не только к научно-технической и технологической сферам, но и ко всем сферам жизнедеятельности общества: экономической, политической, управленческой, образовательной, социально-психологической и т.д. Следуя этой логике, мы выделили несколько этапов инновационного процесса: осознание или прогнозирование общественных потребностей; поиск концепции решения проблемы; исследование, разработка, освоение, распространение (диффузия) новшества; его воплощения в культурные нормы и образцы, что в итоге определяет социальный эффект инновации – инновация обнаруживает себя как социальный механизм развития общества и человека. Неправоммерно сводить инновационный процесс только к внедрению объектов интеллектуальной собственности, который традиционно понимается как производственный акт².

В отличие от кардинального преобразования системы социальных процессов в условиях широкой диффузии инноваций, модернизация вызывает лишь локальные изменения социальных процессов. Термин «модернизация» открыт различным интерпретациям, в широком смысле он используется как синоним термина «инновация», в узком смысле употребление термина «модернизация» исторически оказывается весьма специфичным. Необходимо прояснить неоднозначность смыслов этого понятия, а также высказать гипотезы о возможных потенциальных смыслах.

«Догоняющая модернизация» была ключевым понятием Гарвардского проекта начала 60-х гг. XX в. по перехвату инициатив Советского Союза в борьбе за влияние на процесс деколонизации Африки, Азии и Латинской Америки. Задача проекта состояла в том, чтобы предоставить народам, осуществившим национально-освободительные революции, альтернативы социалистическому пути. Догоняющая модернизация – это либерально-капиталистическая антитеза социалистическому подходу. Она обосновывает перспективу эволюционного перехода от обществ традиционного типа – аграрных, с недифференцированным религиозно-властным типом управления – к обществам, которые позиционируются как современные, т.е. урбанизированные, индустриальные, светские с дифференцированной политической властью западного образца. Такое исторически сложившееся происхождение концепции модернизации и включение этого термина в активный научный дискурс устанавливает в качестве нормы преобразования социальных процессов стандарты капитализма западного образца, а иные формы устройства общества квалифицируются как социальные патологии. Основной идеал состояния социальных процессов формулируется следующим образом: нормальные общества свободны и, следовательно, богаты, ненормальные – несвободны и, следовательно, бедны. Несмотря на то, что в реальности Гарвардский модернизационный проект остался незавершенным, что богатые страны стали еще богаче, а бедные – беднее, реализация этой концепции продолжается до сегодняшнего дня. Таким образом, обнаруживается генетический парадокс теории модернизации – она изначально была идеологическим оружием Запада в холодной войне на пространстве третьих, развивающихся стран.

Какой операциональный смысл вкладывается в понятие «модернизация» сегодня? Какие изменения в социальных процессах инновационно развивающегося общества подразумеваются? В целом можно признать, что модернизация связывается с транзитом от традиционного общества к современному. Однако такое общее определение не дает возможности существенно продвинуться в понимании сути модернизации как социального процесса и дифференцировать термины «инновация» и «модернизация».

В настоящее время сформировались две основные тенденции теоретического анализа. Во-первых, через изучение системы изменений социальных процессов, которые осуществляются в различных сферах: технологической, экономической, культурной, образовательной и т.д. Если они имеют системный, комплексный характер и происходят по принципу «все и параллельно», то признается, что осуществляется инно-

вационный процесс (или говорится о модернизации в широком смысле этого термина). Если же происходящие изменения затрагивают только одну из сфер социума, то говорится о модернизации в узком, конкретно-научном значении этого термина. Неразличение этих вариантов методологически опасно, ибо, как справедливо отмечает профессор Высшей школы экономики Л.В. Поляков, «имманентные смыслы так или иначе будут проступать сквозь беззаботные построения, приводя модернизационный дискурс к саморазрушению»³. Обратим внимание на ключевой пункт анализа – характер преобразования социальных процессов в связи с назревшей необходимостью мониторинга направлений их спонтанной трансформации и разработки научно обоснованных проектов управления их динамикой. Подчеркнем еще раз свою позицию – при использовании терминов «инновация» и «модернизация» интуитивно, без фиксации заложенных в них неоднозначных смыслов искажается «оптика» научного взгляда на изменяющуюся действительность.

Однако в литературе все еще достаточно распространенным является употребление термина «модернизация» в широком смысле, как синонима термина «инновация». Приведем выдержку из работы американского социолога Н. Смелзера: «Модернизация – комплексное, многомерное изменение, охватывающее шесть областей. В экономике наблюдаются: 1) появление новых технологий; 2) эволюция сельского хозяйства от источника средств существования семьи к работе на рынок; 3) переход от использования мускульной силы человека и животных к “неодушевленной” энергии и механизмам; 4) распространение городских типов поселений и пространственные концентрации рабочей силы. В политическом устройстве модернизация означает переход от власти вождя к избирательному праву, политическим партиям и демократическим институтам. В сфере образования – ликвидация неграмотности, рост ценности знаний и квалифицированного труда. В религиозной области – освобождение людей от влияния церкви. В сфере семейно-брачных отношений – ослабление внутрисемейных связей и все большая функциональная специализация семьи. В области стратификации – усиление значения мобильности, индивидуального успеха и ослабление предписаний в зависимости от достигнутого статуса»⁴. Впрочем, это определение оставляет открытым вопрос, можно ли считать модернизацией процесс, где присутствует лишь часть указанных признаков, а также какие из характеристик процесса модернизации являются критически важными?

Известный социолог П. Штомпка пишет: «В первом, общем смысле модернизация – это синоним всех прогрессивных социальных изменений, когда общество движется вперед соответственно принятой шкале улучшений. Второй смысл тождествен “современности”, то есть означает комплекс социальных, политических, культурных и интеллектуальных трансформаций, происходивших на Западе с XVI века и достигших апогея в XX веке. Сюда включаются процессы индустриализации, урбанизации, рационализации, бюрократизации, демократизации, доминирующего влияния капитализма, распространение индивидуализма, мотивации успеха и т.д.»⁵. Еще одно значение термина «модернизация» относится к слаборазвитым обществам и описывает их усилия, направленные на то,

чтобы догнать развитые страны, которые сосуществуют с ними в одном историческом времени, в рамках одного глобального общества.

Как нам представляется, основной конфликт в понимании сущности модернизации определяется тем, трактуется ли модернизация как процесс сведения всего многообразия социокультурных и экономических реалий к единой модели или траектории модернизации могут быть множественными и отражать различные системы ценностей иных регионов и государств, а также специфику социальных процессов в обществе. Эта проблема до сих пор не решена: часть исследователей ориентирована на единообразную модель западного образца, они фактически ставят знак равенства между понятиями «модернизация» и «вестернизация». Другие склонны ориентироваться на внутренние системы ценностей и, соответственно, на принятую в том или ином обществе последовательность социальных и технологических изменений.

Исторически представление о модернизации как о переходе к западной системе ценностей имело основание в объективных процессах социально-экономического развития. США и протестантская часть Западной Европы были первыми странами, совершившими качественный цивилизационный рывок, обеспечивший существенный рост экономики и стандартов жизни. Доминирующая в этом подходе парадигма — структурный функционализм как сугубо западное направление мысли — утверждает, что:

- традиционное общество тормозит развитие, являясь инновационно толерантным, поэтому современное общество резко противопоставляется традиционному и предполагается максимальное «избавление» от «старых» социальных процессов;
- процесс развития прогрессивен и основан на инновациях;
- в странах третьего мира необходимо поощрять силы, способствующие уходу от традиции;
- в качестве преобразующих сил выступают либо внутренние — модернизаторские элиты, либо внешние — внедрение новых (западных) моделей образования, иностранные инвестиции;
- современные развивающиеся страны, в число которых включается и Россия, трактуются как дуалистические и, следовательно, внутренне конфликтные — частично традиционные, частично модернизированные;
- целью модернизации является формирование модели экономической и социальной жизни, характерной для Западной Европы и США;
- модернизация — это процесс, ведущий к однородности: если традиционные общества невероятно разнообразны, и объединяет их только отсутствие современных черт, то современные общества обладают одинаковым набором основных качеств.

Согласно концепции С. Хантингтона⁶ модернизация порождает тенденцию к схождению обществ. Основанные на этой философской концепции процессы модернизации стран третьего мира оказались в большинстве случаев неуспешными, причем как руководимые извне с помощью международных организаций, так и управляемые изнутри страны. Практика инновационного развития успешных азиатских стран («азиатских тигров») показала, что страны могут существенно отличаться

от Запада ценностями, традициями, социальными институтами и характером социальных процессов. Противники трактовки «модернизации» как «вестернизации» исходят из того, что недоучет культурной специфики и навязывание единой универсальной модели приводит к провалу модернизационных проектов.

Роль социокультурных и определяемых ими психологических факторов признает американский экономист У. Истерли, автор резонансной книги «В поисках роста: приключения и злключения экономиста в тропиках», приводящий соответствующее объяснение неудачам вестернизации: «...не у всех лиц, которые могли бы повлиять на экономический рост, были нужные мотивации»⁷. По этому поводу Г.Х. Попов в своем анализе уроков модернизации в России XX в. пишет: «Важнейший урок: никакие подлинные реформы и модернизации невозможны без людей, беззаветно преданных делу перемен, поставивших интересы Родины и Народа выше всего личного. Никаких реформаторов не вырастет из любителей отдыхать неделями, из посетителей горнолыжных курортов, из тех, кто свою работу на благо страны рассматривает не как величайшее счастье, а сравнивает с трудом “раба на галерах”»⁸.

Н. Кондратьев⁹ и Й. Шумпетер¹⁰ убедительно показали, что кризисы экономики преодолеваются механизмами инновационного развития. Как известно, у китайцев понятие «кризис» обозначается двумя иероглифами: первый означает «беда», а второй — «развитие». Нам представляется, что поскольку Россия в связи с рядом объективных и субъективных обстоятельств оказалась в числе развивающихся стран, необходимо в большей степени использовать, выражаясь словами А. Гершенкрона, «преимущества отсталости»¹¹ — возможность заимствовать технологии и хозяйственные практики, доказавшие свою эффективность в более развитых экономиках, учитывая специфику ранее сложившихся социальных процессов. Парадокс догоняющего развития состоит в том, что инновационная трансплантация институтов развитых экономик редко бывает успешной. Как и в медицине, для успеха трансплантации требуется программа адаптации и реабилитации: в инновационной сфере — это методологически верная политика перехода от одних социальных институтов и методов к другим.

Один из парадоксов философии смещения инновационного и модернизационного развития состоит в том, что правительства пытаются трансформировать социальные процессы в минимальные сроки, стимулируя заимствование слишком передовых технологий, которые неработоспособны в имеющейся социокультурной среде. В свое время мы ввели понятие инновационной сензитивности¹², т.е. чувствительности к инновациям на разных уровнях — личностном, групповом, социальном — и исследовали детерминанты контринновационного поведения¹³. Обратим внимание на сходный, но в то же время самостоятельный феномен абсорбционной способности, т.е. способности заимствования эффективных технологий и методов хозяйствования при постепенном наращивании своего собственного инновационного потенциала. Уже стало привычным упоминать в качестве лидера абсорбционной стратегии Японию, которая в настоящее время является и инновационным лидером. Возможно, уместно вернуться

к идее Г. Тарда¹⁴ начала XX в. об инновационных практиках, где различаются инновации как создание социально востребованного нового и как имитации — воспроизведение нового.

Россияне нынешнего поколения являются современниками и участниками социальных процессов, на основе которых осуществляется инновационное развитие. Многие из нас остаются заинтересованными наблюдателями происходящего, видящими инновационную действительность под разными ракурсами. Еще Ф.И. Тютчев, будучи современником и участником великих социальных изменений в Европе в середине XIX в. писал: «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые!» Однако эта поэтически сформулированная позиция не является единственной (и даже широко распространенной) эмоционально-смысловой оценкой инновационных преобразований со стороны включенных в них субъектов. Наблюдаемые субъектами инновационных процессов реальности могут радикально различаться: интегральное отношение к социальным изменениям, вызванным особенностями инновационной траектории движения России, зависит от степени нашей включенности в процессы преобразования и от способа участия в инновационной деятельности. Аутентичность стремительно трансформирующейся реальности как бы размывается, она становится виртуальной. Эта специфика социальных процессов постиндустриальной, постмодернистской эпохи интуитивно осваивается неологизмами языка. Современный человек присваивает миру маркер виртуальности — пресловутое «как бы» с нарастающей частотой включается в высказывания о мире, так что уже сам язык, который идет вслед за реальностью «догадывается» о неаутентичности тех социальных процессов, инструментом выражения которых он является, и отражает эту тенденцию. Ключевым понятием, поясняющим это свойство социальных процессов, является понятие имитации, однако мы обнаруживаем дополняющие концепцию Г. Тарда аспекты, отмечая, что значительное число социальных процессов, особенно социальных изменений и социальных инноваций, ложно себя презентуют. В проектируемом как инновационный социальном процессе может быть поставлена неявная, скрытая цель и деформирован нормативный процесс. Аксиологический кризис, который в сущности и является первопричиной всех остальных кризисов: политических, экономических, культурных и т.д., — с необходимостью требует разработки технологий определения аутентичности социальных процессов, подобно тому как в экономике создаются инструменты для определения идентичности продукции в контексте борьбы с контрафактом.

Доверие к науке традиционно сопровождалось глубокой убежденностью в том, что развитие и использование инноваций повышает интеллектуальный потенциал человека. Однако исследования последних лет по проблеме инновационных фобий¹⁵, обнаружили, что страх перед сложностью новых инновационных продуктов является самой распространенной формой тревоги. Интерпретация динамики инновационных процессов со временем изменяется. Для описания состояния какого-либо социального объекта больше подходит понятие становления, нежели существования. Еще относительно недавно изменения как в технической,

так и в социальной сферах отождествлялись с социальным прогрессом, затем популярной становится идея кризисов, при которых изменения, инновации проявляют негативные последствия, как правило, из-за дефектов прогнозирования. В связи с этим появляется концепция, согласно которой распространение инноваций может нарушать нормальный ход социальной жизни, наносить членам общества своего рода удар, вызывать стресс и порождать состояние «инновационной травмы» (так называемая третья парадигма П. Штомпки), которая ориентирует субъектов инновационной деятельности на разработку стратегий совладания, позволяющих уменьшить негативные эффекты инноваций.

На основе разрабатываемой нами концепции поуровневого анализа инновационных феноменов (персонологического, корпоративного, социального уровня) следует проанализировать трансформацию этих феноменов при стратиграфическом транзите, но в связи с ограниченностью объема статьи затронем лишь феномены персонологического уровня. Итак, инновация позиционируется как технологический продукт, адекватный потребности пользователя — реципиента инновации. Например, у большинства людей существует потребность в регулировании, обеспечении необходимого порядка в своей деятельности. Г. Хофштеде¹⁶ в получивших мировую известность кросскультурных исследованиях выделял в качестве базовой социальной потребности стремление избегать неопределенности, неорганизованности среды. Новый технологический продукт изначально может быть ориентирован на повышение эффективности регулирования и снижения уровня неопределенности, однако в ряде случаев парадоксальным образом может приводить к противоположному результату¹⁷. Социологические опросы свидетельствуют, что определенная часть людей сознательно отказывается от использования инноваций. Так, относительно автоответчиков около 15% потенциальных пользователей отказываются от них, поскольку им хочется оставить за собой свободу не делать ответные телефонные звонки, если не они были инициаторами вступления в коммуникацию. Такие широко распространенные технологические продукты, как компьютер и ряд других, как будто облегчают контроль над ситуацией и расширяют пространство свободы, однако зачастую ведут к противоположным эффектам (компьютерная зависимость, киберпреступления и т.д.). Значительное число людей (35 — 40%) настороженно относятся к идее внедрения в их жизнь большого количества техники в связи с тем, что уход за ней и ее эксплуатация требует слишком много сил и времени. Специфический парадокс связан с оппозицией новый/устаревший. Потребители сталкиваются с ним, когда имеют дело с высокотехнологичными товарами: к тому моменту, как продукт выходит на рынок, он уже давно устарел в технологическом смысле. Купив новый ноутбук, соответствующий последнему слову техники, покупатели признают, что через несколько месяцев этот продукт уже устареет, и они будут мечтать о более свежих моделях. В обществе возникает стресс в связи с тем, что техника развивается слишком быстро. Многие люди утрачивают привычный уровень компетентности.

Риски реальной трансформации социальной направленности инноваций, особенно тех, которые находятся в стадии глубокой диффузии, т.е.

инертного распространения, выявляют парадокс «эффективности/неэффективности». Инновации как технологические продукты на практике призваны экономить время и силы, затрачиваемые на осуществление конкретной деятельности, однако неожиданно для потребителя они могут увеличивать затраты. Этот парадокс связан не только с высоко технологичными продуктами, такими как компьютеры, но и с низко технологичными, например, такими как пылесос или соковыжималка.

Особая проблема социологического исследования — выявление и профилактика трудностей, возникающих перед наивным пользователем в связи с управлением новой техникой на основе прилагаемых инструкций по пользованию. Руководства по использованию сложных технических средств проектируются некалвалифицированно, поэтому около 85% инструкций провоцируют ошибки пользователей и способствуют возникновению психологических барьеров и «инновационных фобий». Потенциально новая технология содержит возможности повышения эффективности деятельности пользователя, и в этом смысле инновационные продукты повышают компетентность. Однако чем более технологически сложен продукт, тем труднее для среднего пользователя понять, как и почему он работает, что он в принципе может сделать. Существенные фрагменты человеческой деятельности выходят из-под контроля, что порождает у человека чувство некомпетентности. Первый раз в человеческой истории мы живем в сотрудничестве с техническими устройствами, первое свойство которых — заставить нас удивиться. Мы оказываемся не готовыми к вызовам времени. Интересно, что спектр проблем, с которыми сегодня сталкиваются пользователи современных IT-технологий, был предсказан и проанализирован в работах профессора О.К. Тихомирова и его школы на факультете психологии МГУ им. М.В. Ломоносова еще 40 лет назад¹⁸.

Нам представляется, что в недалеком будущем сформируется дисциплина — социология инновационных вещей, которая в первую очередь будет анализировать социальные процессы, развертывающиеся в связи с диффузией инноваций (попытка создания такой науки — социология вещей была предпринята в конце 20-х гг. XX в.), что существенно дополнит квазиисторическое направление — история вещей.

Анализ траекторий динамики социальных процессов сложен: базовая инновация или «технология широкого спектра применения» порождает множество вторичных инноваций, которые стимулируют разные отрасли экономики и иных сфер жизнедеятельности общества. Именно такой вариант динамики определяет экономический рост, сопутствующий социальному прогрессу (например, изменение судеб человечества с появлением электрического двигателя, технологии фотографии¹⁹, компьютеров, Интернета и т.д.). Однако сфера возможностей технологий ограничена, эффективность и отчасти применение вторичных инноваций сужаются. Если возникает новая базовая инновация, то рост продолжается, в противном случае наступает инновационная пауза. По утверждению академика РАН В.М. Полтеровича²⁰ инновационная пауза — редкое явление, ей предшествует многолетний период роста, экономические агенты не успевают перестроить свои ожидания, по инерции рассчитывая на про-

должение развития. Но со временем обнаруживается, что сделанные ими инвестиции неэффективны. Наступает кризис, который порожден истощением возможностей старых «технологий широкого применения», консервацией социальных процессов и запаздыванием «технологий широкого применения» нового поколения.

Таким образом, сегодня нам вновь приходится признать актуальность проблемы прогнозирования последствий изменения социальных процессов при введении инноваций. Инновационное развитие в целом и его частный вариант — модернизация как специфический социальный процесс — не может быть редуцировано к экономической составляющей. Нарращивание сложности исследований особенно философско-гуманитарного цикла позволит сделать этот процесс более адекватно отражающим интересы большинства. Современные концепции изменяющейся социальной реальности и конкретные эмпирические данные в этой области необходимы для системного видения динамики социальных процессов инновационного мира и решения задач управления ими с учетом критериев не только экономической, но и социальной эффективности. В решении задач совершенствования практики инновационных преобразований на основе адекватного анализа содержания и последствий инновационной деятельности, системного исследования социальных процессов и условий, определяющих эффективное функционирование инновационной сферы на уровне общества в целом, организации, отдельной личности, понимания особенностей инновационной среды и ее влияния на социальные процессы важная роль принадлежит формирующемуся направлению научного знания — социологии инноватики.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Карпова Ю.А. Инновации, интеллект, образование. — М.: МГУЛ, 1998; Карпова Ю.А. Введение в социологию инноватики. — СПб.: Питер, 2004.

² См.: Карпова Ю.А., Нурков В.М. Социальные факторы функционирования интеллектуальной собственности в инновационном процессе. Роль интеллектуальной собственности в инновационном развитии России // Научные труды, посвященные 40-летию РГГИС. — М.: РГГИС, 2008.

³ Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены. Альманах. — М.: ВЦИОМ, 2011. — С. 110.

⁴ Smelser N.J. Processes of social change // N.J. Smelser (Ed.). Sociology. An Introduction. — N. Y., 1973. — P. 747 — 748.

⁵ Штомпка П. Социология социальных изменений. — М.: Аспект Пресс, 1996. — С. 169.

⁶ См.: Хантингтон С. Модернизация, развитие и политика. — М.: АСТ, 2008.

⁷ Истерли У. В поисках роста: приключения и злключения экономиста в тропиках. — М.: Институт комплексных стратегических исследований, 2006. — С. 169.

⁸ Попов Г.Х. За семьдесят пятый год жизни. — М.: Международный ун-т в Москве, 2011. — С. 122.

⁹ См.: Кондратьев Н.Д. Основные проблемы экономической статистики и динамики. — М.: Наука, 1991.

- ¹⁰ См.: Шумпетер Й. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия / предисл. В.С. Автономова. – М.: ЭКСМО, 2007.
- ¹¹ См.: *Gerschenkron A.* Europe in the Russian Mirror. – Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
- ¹² См.: Карпова Ю.А., Нурков В.М. Социальные механизмы управления инновационной деятельностью и интеллектуальной собственностью // Социология инноватики: доклады и выступления Первой международной конференции по социологии инноватики. Москва 24 – 26 ноября 2005 г. – М.: РГИИС, 2006.
- ¹³ См.: Нурков В.М. Социальные детерминанты контринновационного поведения // Инновации. 2011. № 1 (147). – С. 92 – 94.
- ¹⁴ См.: Тард Г. Социальная логика. – СПб.: Социально-психологический центр, 1996.
- ¹⁵ См.: Нурков В.М. Социология инновационных фобий // Инновации. 2009. № 10 (132).
- ¹⁶ См.: *Hofstede G. & Hofstede G.J.* Cultures and organizations: Software of the mind: Intercultural cooperation and its importance for survival. – N. Y.: McGraw-Hill, 2004.
- ¹⁷ См.: *Mick D.G., Furnier S.* Paradoxes of Technology: Consumer Cognizance, Emotions, and Coping Strategies // Journal of Consumer Research. Vol. 25. September 1998.
- ¹⁸ См.: Человек и компьютер / под ред. и с предисл. О.К. Тихомирова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972.
- ¹⁹ См.: Нуркова В.В. Зеркало с памятью. Феномен фотографии: культурно-исторический анализ. – М.: РГГУ, 2006.
- ²⁰ См.: Стратегия модернизации Российской экономики / под ред. В.М. Полтеровича. – СПб.: Алетейа, 2010.

Аннотация

В статье проводится анализ тенденций динамики социальных процессов в инновационной сфере России. Обсуждается соотношение инновационных и модернизационных процессов в современном изменяющемся мире и парадоксы, возникающие при сопоставлении концепции инновационного развития и задач «догоняющей модернизации». Рассматривается проблема противоречивости социальных последствий внедрения «новых технологий широкого использования». Обосновывается актуальность активизации гуманитарных исследований инновационных и модернизационных процессов.

Ключевые слова: инновационная деятельность, инновационное развитие, модернизация.

Summary

The article presents an analysis of trends in social processes in the innovation sphere of Russia. It discusses the relationship of innovation and modernization processes in today's changing world and paradoxes that occur when reference the concept of innovation development and the efforts of modernization is done. The authors analyze the problem of the contradictory social impact of the introduction of «new technologies in wide use» and justify the conclusion that it is necessary to intensify humanitarian research of innovation and modernization processes.

Keywords: innovative activity, innovative development, modernization.